

РОССИЯ В ГЛОБАЛИЗОВАННОМ МИРЕ: АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ.

«Периоды экономического подъема не способствуют серьезным размышлениям. Зато кризисы пробуждают мыслительные способности и плодят одержимость».

Эрнандо де Сото

В недавно опубликованной статье А.В. Юревича «Асимметричное будущее»¹ с новой силой ставится старый вопрос о многовариантности будущего, его зависимости от наших действий и наших представлений о нем. Отмечая крайне низкую сбываемость прогнозов, сделанных в 70-е гг. XX в. относительно нашего времени, автор пишет, что «мы, дожив до нового тысячелетия, оказались совсем не в том будущем, которого ожидали. Но существует и еще одна возможность, состоящая в том, что при наличии разных вариантов развития человечество избрало не тот вариант, который представлялся наиболее вероятным [курсив источника – В.Ш.], т.е. в каком-то смысле не прогнозы оказались неправильными, а человечество развивается «неправильным» путем»². Выбор наиболее предпочтительной траектории развития для человечества в целом или какой-то его части требует анализа всех возможных альтернатив и сократического сомнения в каждой из них. Между тем позиции наиболее видных исследователей проблем глобализации и постиндустриальной трансформации вызывают опасения утраты именно этого критического духа, принятия какой-то одной траектории в качестве единственно возможной, или, как минимум, единственно желательной.

Отметим, что наиболее влиятельный отечественный специалист в этой области В.Л. Иноземцев выступает в последние годы не столько как исследователь, сколько как идеолог и пропагандист, ратующий за вступление России в ЕС, и, к стыку приравняв перо, ведет в газете «Ведомости» колонку *Pro Europa*, причем направленность его выступлений вполне соответствует названию рубрики. С точки зрения В.Л. Иноземцева, европейский выбор является условием успешной модернизации России, хотя ранее он писал, что догоняющее развитие в постиндустриальную эпоху вообще невозможно³. Рассмотрев проблемы догоняющего развития на материале Японии и Южной Кореи, а также некоторых других новых индустриальных стран, В.Л. Иноземцев приходит к выводу о том, что «залогом успешного развития стран «третьего мира» станет в XXI веке их взаимодействие с постиндустриальным миром и поступательное движение по тому пути, который уже был пройден развитыми державами. Монополярный мир, формирующийся сегодня, определяет и относительно монолинейный путь освоения достижений постиндустриализма. В этой связи мы не можем не уделить особого внимания оценке исторических перспектив России – страны, которая на протяжении последних двух столетий предприняла не одну и не две модернизаторские попытки, принесшие, однако, совершенно неудовлетворительные результаты»⁴.

¹ Юревич А.В. Асимметричное будущее // *Вопр. философии*, 2008, №7. С. 76-89.

² Там же, с. 78.

³ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. – 304 с.

⁴ Там же, С. 257.

Понятно, что при таких посылках вывод об исторической необходимости интеграции России в ЕС, причем на любых условиях, даже не очень выгодных и не очень почетных, практически неизбежен. Однако при обсуждении исторического выбора для страны сократическое сомнение полезно как никогда, причем долг ученых – поставить вопросы, решать же их призвана политическая элита. Прежде всего, следует указать, что коллеги В.Л. Иноземцева из ИМЭМО РАН в настоящее время явно не придерживаются мнения о невозможности догоняющего развития в постиндустриальную эпоху, напротив, они считают, что Тайвань, Южная Корея, Китай, Индия, не говоря уже о Японии, становятся лидерами научно-технического развития во многих важных областях. Во-вторых, следует учитывать продолжающееся перераспределение экономической мощи в пользу Китая, а в дальнейшем – и Индии. Если смена лидеров мирового развития продолжает оставаться возможной, то остается и возможность догоняющего развития, которое всегда может быть только развитием обгоняющим, предполагающим срез петли на пути, проделанном лидерами. Соответственно перестают быть адекватными представления о «монолинейном» пути развития, появляется вариантность исторического выбора.

Разумно предположить, что решение задач догоняющего развития требует от нас интеллектуальной эмансипации, формирования собственного взгляда на мир, в то время как сейчас мы не смеем выйти за пределы той повестки дня, которая сформирована Западом. Если просвещенный Запад считает, например, что вопросы демократии и прав человека в России заслуживают обсуждения, а война в Ираке – нет, значит, так тому и быть. Между тем сама возможность построения демократического общества в Ираке должна вызывать куда больше сомнений, чем перспективы российской демократии. При этом наиболее фундаментальная проблема вовсе не в двойных стандартах, о которых немало говорится на разных уровнях, а в упадке демократии как таковой в условиях постиндустриальной трансформации, коей много причин. Это и размывание среднего класса, и сужение публичной сферы, в которой люди служат именно обществу, а не бизнесу или государству, и деградация местных сообществ, а вместе с ними – и прямая демократии в результате перемещения жизнедеятельности из реального пространства в виртуальное, и весьма сомнительная преданность демократическим ценностям нового правящего класса – класса творцов информационных технологий. Эти тенденции подробно описываются Ю. Хабермасом, М. Кастельсом, Ф. Уэбстером, а у нас – опять же В.Л. Иноземцевым.

Не может не вызывать самых серьезных опасений и явное злоупотребление информационными технологиями для контроля над людьми, когда в массовом порядке контролируется информация на мониторах компьютеров не только офисных работников, но даже тех, кто работает на дому по системе free lance и получает вознаграждение по результатам. Последние даже вынуждены соглашаться на установку веб-камер на своих компьютерах. Свежий ветер перемен, дующий с Запада, заставляет вспомнить хорошо забытое советское прошлое, когда в краткое правление Ю.В. Андропова (1914-1984) трудящихся ловили в рабочее время на улицах и в магазинах. К счастью, несовершенная техническая основа не позволяла тогда сделать контроль тотальным и эффективным. Теперь этой благодати нет. Государства тоже не отстают от бизнеса: с конца апреля 2008 г. у любого въезжающего в США могут на законных основаниях скопировать всю информацию с мобильного телефона или ноутбука. Если информация зашифрована, власти вправе потребовать ее расшифровки. Допустимо изъятие соответствующих технических средств на неопределенный срок. В ЕС все шире распространяется контроль электронной почты. Не может не способствовать эрозии демократии и абсолютно провальная система среднего образования, порожденная «восстанием масс», о чем будет идти речь ниже. Однако осознание этих весьма опасных и набирающих все большую силу тенденций нисколько не мешает В.Л. Иноземцеву быть не просто сторонником, а рьяным пропагандистом вступления России в ЕС.

Отрешившись от иллюзий, мы должны в первую очередь признать, что демократия – не цель, а средство, цель же – гарантии гражданских прав, уже гарантии социальных прав могут приходиться с ними в противоречие, что благоприятные условия для экономического развития создает не демократия вообще, а только либеральная демократия⁵, каковой у нас в 90-е гг. не было и в помине, что умеренный авторитаризм вполне может оказаться наиболее подходящим для проведения либеральных реформ. Посмотрев на мир непредвзято, мы с удивлением заметим, что даже наиболее цивилизованные и демократические народы в сколько-нибудь острой политической ситуации всегда выдвигали достаточно авторитарного лидера. Что это – недоверие народа к себе? Осознание того очевидного обстоятельства, что чем серьезней ситуация, тем меньше места для глупостей? Между тем мир, в который мы вступаем, характеризуется все возрастающей нестабильностью, причем это относится как к природным, так и к социальным процессам. Едва ли это будет способствовать расцвету демократии. Даже взгляд в славное прошлое наводит на мысль, что отец демократии Перикл (ок. 490-429 до н.э.) явно предпочитал править единолично, а сформулированный им великий демократический принцип «Хотя лишь немногие могут заниматься политикой, мы все в состоянии судить о ней», в сущности, позволяет считать демократической страной и нашу. Напрашивается аналогия с благороднейшей и справедливейшей борьбой за равноправие женщин, которая, однако, отмечает лишь переходный период от одного устойчивого состояния к другому, от патриархата – к матриархату. Возможно, это позволяет питать некоторые надежды на возрождение института семьи, разумеется, уже на новой основе. Взгляд на демократию как на устойчивое состояние общества, увы, находит все меньше и меньше подтверждений.

Стремление к вхождению в любую интеграцию должно сопровождаться трезвым анализом ее перспектив и есть много оснований считать, что вопреки распространенному представлению, ЕС не находится сейчас на восходящей ветви траектории. Уже отмечено угасание западной демократии, а вместе с ней и тех великих принципов свободы и ответственности, на которых, как нам представляется, зиждется сама западная цивилизация и от которых она постепенно избавляется. Эрнандо де Сото совершенно справедливо указывал, что Россия, как и многие страны сопоставимого уровня экономического развития, не получила того наследства, которое получили либералы развитых стран, у которых в силу этого практически нечему учиться⁶. У нас постоянно повторяют, что крайняя неразвитость институтов, обеспечивающих функционирование рынка, наряду с инфраструктурными ограничениями и недостатком рабочей силы – главный тормоз экономического развития страны. Однако в реконструкции этих институтов, которая не может не быть трудной и болезненной, мы едва ли сможем получить помощь из Брюсселя. Эта задача может быть решена только нашими собственными усилиями.

Особенно важно отметить, что ЕЭС создавалось не по экономическим, а по политическим причинам. Государственные мужи послевоенной Европы, такие как К. Аденауэр (1876-1967), Р. Шуман (1886-1963), Ж. Моннэ (1888-1979), А. де Гаспери (1881-1954) были озабочены созданием такого политического порядка в Европе, который сделал бы невозможным повторение войны. Средством достижения этой возвышенной цели была избрана экономическая интеграция. Между тем любая экономическая интеграция имеет свои пределы эффективности. Талантливый отечественный экономгеограф Б.Н. Зимин (1929-1995) считал исключительно успешной интеграцией «шестерку», подписавшую Римский договор, но уже вступление в ЕЭС Англии в 1973 г., по его мнению,

⁵ Фарид Закария. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004.

⁶ Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. - 272 с.

способствовало снижению экономической эффективности⁷. Понятно, что неуклонное расширение ЕС, включающего в себя страны, крайне разнородные по своему уровню развития, обусловлено чисто политическими, точнее, геополитическими мотивами. Логично предположить, что ЕС повторит судьбу всех предыдущих империй, и чем быстрее он будет расширяться, тем ближе будет его конец. Утверждать, что ЕС нельзя рассматривать как империю, поскольку он создавался и создается на сугубо добровольной основе, едва ли корректно, ибо и империи далеко не всегда расширялись путем завоеваний. Хотя сейчас в Тбилиси и открыт Музей оккупации, по-видимому, все же был ближе к истине великий поэт, писавший, что Грузия стала процветать «за гранью дружеских штыков». Даже покорение, если это слово вообще уместно, Средней Азии, продолжавшееся два десятилетия, стоило русской армии 4 тыс. убитых, из которых половина – потери одного сражения - при Геок-Тепе⁸. Это явно меньше потерь последней войны в Чечне, не говоря уже об Афганистане. Отметим, что вопрос о влиянии расширения ЕС на экономическую эффективность этой интеграции фактически не обсуждается в научном сообществе, поскольку чреват неожиданными и неполиткорректными выводами.

Угасание демократии в условиях постиндустриальной трансформации зримо проявляется и в сомнительных методах расширения ЕС. Народы наиболее развитых стран буквально силком заталкивают во все более глубокую политическую интеграцию, и об этом можно было бы сказать немало саркастических слов, если, разумеется, не считать, что о Западе следует говорить либо хорошо, либо ничего. В любом случае трудно не вспомнить Б. Брехта (1898-1956), сказавшего очень давно и по совсем другому поводу, что, если народ утратил доверие правительства, правительство распустит народ и выберет себе другой народ. При этом ЕС весьма напоминает СССР и СЭВ в том отношении, что наиболее развитые страны проигрывают от такой интеграции, а наименее развитые – выигрывают. Перед Второй мировой войной душевой ВВП в Чехословакии был выше, чем в Швейцарии, в Польше – выше, чем в Италии⁹. В Эстонии в 1940 г. было 34% городского населения, в то время как в Финляндии уже в 1950 г. – всего 32%. Не мудрено, что в 1956 г. жители Хельсинки смотрели таллинское телевидение – своего еще не было. Однако уже к концу 60-х гг. «стартовало» экономическое чудо и Финляндию стали именовать «северной Японией». В то же время в Болгарии именно благодаря интеграции в рамках СЭВ была создана современная промышленность, огромным был прогресс науки и высшего образования. Многие важные достижения периода «развитого социализма», к сожалению, были утрачены. Теперь, будем надеяться, Болгарии очень пойдет на пользу членство в ЕС. Республикам Средней Азии, ныне именуемой центральной, хотя географический центр Азии находится в Туве, безусловно, потребуется еще немало лет, чтобы выйти на тот уровень развития, которого они достигли к концу существования СССР.

Б.Н. Зиминим были также заложены основы теории чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства, получившей дальнейшее развитие в работах Л.М. Синцера¹⁰. Первый глобальный интеграционный цикл начался в середине XIX в., когда и сложилось мировое хозяйство как целостная система (причем рождение ее было ознаменовано первым мировым экономическим кризисом в 1857 г.) и продолжался до Первой мировой войны. По нынешним временам даже трудно представить, что в 1913 г. мир был во многих отношениях несравненно более интегрированным, чем сейчас, когда просвещенная Европа прямо-таки упивается своими

⁷ Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б.Н. Зимина / Сост. А.П. Горкин, Ю.Г. Липец. – М.: Альфа-М, 2003. – 176 с.

⁸ Любичев А.А. Расцвет и упадок цивилизации. М.: Алетейя, 2008. – 464 с.

⁹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. – 848 с.

¹⁰ Синцеров Л. М. Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. - 2000. - N 5. С. 56-64.

достижениями в области интеграции. Достаточно напомнить, что визы были изобретены только после Первой мировой войны, до этого их просто не существовало. Действительно, сейчас впервые со времен Римской империи в Европе единая валюта, но в 1913 г. подавляющее большинство европейцев жило в странах с золотым стандартом¹¹.

Первый глобальный дезинтеграционный цикл 1914-1945 гг. имел глубокие объективные причины, рассмотрение которых могло бы стать предметом отдельной статьи. Эти причины не осознавались современниками, и лучшие представители интеллектуальной элиты, сформировавшейся в те времена, когда можно было объездить весь мир, имея в качестве единственного удостоверения личности свою визитную карточку, стремились к восстановлению того мирового порядка, который считали естественным и разумным. К сожалению, их благородные усилия были заведомо обречены на провал, второй глобальный интеграционный цикл начался только после окончания Второй мировой войны. Сейчас также появляется все больше признаков приближения нового дезинтеграционного цикла, прежде всего – это рост протекционизма по всему миру – провал Дохийского раунда переговоров в ВТО только лишнее тому доказательство – и прогнозирование развития России и ее места в мире явно требует учета этого процесса. Вопрос состоит в следующем: *должна ли Россия стремиться к интеграции с Западом в условиях нарастающего протекционизма и объективного перераспределения весов в мировой экономике в пользу азиатских стран, или же следует стремиться к интеграции с Китаем и Индией*, хотя нынешняя интенсивность связей с Индией и не дает оснований для подобных планов (объем торгового оборота с Индией на порядок меньше, чем с Китаем)?

Не следует полагать, что только Запад (и, в первую очередь, ЕС) может быть базой модернизации России и соответственно только на него следует делать ставку. Во-первых, необходимо учитывать очень быстрый рост экономической мощи стран Восточной и Южной Азии, о котором уже говорилось, наличие в этих странах огромных инвестиционных ресурсов, а главное – высокий уровень развития современных технологий. К тому же указанные страны не менее ЕС заинтересованы в поставках энергоносителей и сырья из России. Во-вторых, взаимоотношения с этими странами, кроме Японии, имеющей территориальные претензии к России, носят более прагматичный характер и свободны от попыток экономического и политического диктата, вроде требований присоединения к Энергетической хартии. В-третьих, успешное развитие наукоемких отраслей в России будет в меньшей степени испытывать острую конкуренцию со стороны этих стран, нежели стран ЕС. Не случайно планируется создание нового магистрального лайнера совместно с Китаем (хотя еще не решен вопрос, будет он российско-китайским или китайско-российским), а истребителя пятого поколения – с Индией. «Несовершенство налогового климата и системы образования в ЕС – пишет директор Центра европейских исследований ГУ-ВШЭ Т. Бордачев – ведет к тому, что европейские инвесторы стремятся в Китай, Индию, США и страны Юго-Восточной Азии. Вряд ли поэтому кто-либо в Евросоюзе будет осознанно поощрять развитие российского направления оттока денет из европейской науки»¹².

Наконец, необходимо учесть и существеннейшие различия в геополитическом положении России и Украины, сделавшей выбор в пользу вступления в ЕС и в НАТО как его предбанник. Разумеется, Украину охотно примут в НАТО, а со вступлением в ЕС придется подождать, возможно, не меньше, чем Турции, но Украина имеет на своих западных рубежах ЕС, пусть и представленный не самыми развитыми странами, а на восточных – Россию. При этом западные области Украины развиваются динамичнее восточных, значительно более индустриальных, что связано как с благотворным влиянием

¹¹ Современному читателю не лишне напомнить, что золотой стандарт предполагает свободный обмен бумажных денег на золотые. Инфляция и волатильность обменных курсов были при этом совершенно несопоставимы с нынешними.

¹² Бордачев Т. Саммит Россия-ЕС: Найти формат // Ведомости, 28.06.2008. С. А4.

ЕС, так и с перераспределением средств с востока на запад, в результате которого «прозападные» регионы отчасти поднимаются на деньги «пророссийских»¹³. В совсем ином положении Россия, имеющая на западных рубежах Украину, которую сейчас всеми силами стремится обойти газопроводами с севера и с юга, а на восточных – вторую экономику мира, которая в обозримой перспективе может стать первой, да еще Японию и «пять малых драконов». В этой ситуации главная геополитическая проблема России – ее крайняя слабость именно на Дальнем Востоке и ниже мы остановимся на этом подробнее.

Разумеется, мы вовсе не склонны безоговорочно утверждать предпочтительность азиатского выбора перед европейским, задача состоит в том, чтобы породить сомнения в европейском выборе как единственно возможном или единственно правильном. Разумно сделав ставку, страна окажется либо среди победителей, либо среди проигравших в мировом соперничестве и делать ставку, исходя из высоких идейных соображений, увы, нет никаких оснований, поскольку идеология оказалась полностью вытесненной геополитикой. Примитивное мышление редко помогает найти верный выход в драматической ситуации. Бездумные утверждения о том, что Россия всегда должна быть на стороне наиболее прогрессивных сил, заставляют пристальней взглянуть на отечественную историю и спросить себя, кто же, в конечном счете, принес больше вреда стране – консерваторы или либералы? Именно реакционеры в окружении последнего царя, такие как П.Н. Дурново (1845-1915), были сторонниками союза с консервативной Германией, поскольку считали, что союз с прогрессивной Францией приведет к втягиванию России в войну и к революции как ее следствию. История показала, кто был ближе к истине – реакционеры или прогрессисты, выковавшие союз с Францией и Англией, причем последняя во время Гражданской войны и после нее не допустила к себе практически ни одного русского эмигранта. Стоит ли нам сейчас без глубоких размышлений готовить новый вариант Антанты, или следует с максимальным напряжением интеллектуальных сил обдумывать возможные последствия принимаемых геополитических решений?

Если во времена Петра не было цивилизованного мира, кроме Европы, а сейчас Европа нам много ближе, чем США и в чисто пространственном отношении, и в культурно-психологическом, то это не значит, что мы должны идеализировать ЕС. Самое дорогое строительство – это строительство воздушных замков. Прежде всего, следует отметить, что концентрирующий огромную экономическую мощь ЕС все больше начинает страдать такими американскими болезнями как лицемерие и двойные стандарты во внешней политике, культурный империализм, а также готовность применять силу в международных отношениях, если это не чревато серьезными потерями. Даже европейский шовинизм уже пускает ростки в душах высоколобых интеллектуалов, которые настолько упоены вновь образовавшейся мощью, что считают «экономическую массу» ЕС вместе со Швейцарией и Норвегией (т.н. «Европа 29-и»). Не Билл Клинтон, а лидеры миролюбивой Европы выступили инициаторами «гуманитарных бомбардировок» Сербии. Закручивание гаек в не пострадавших от терактов 11 сентября 2001 г. европейских странах было ничуть не меньшим, чем в США. Во Франции даже увеличили до совершенно фантастических размеров штраф за безбилетный проезд в региональных экспрессах¹⁴. Именно Великобритания, а не США занимает сейчас наиболее жесткую позицию по отношению к России. Надо быть очень наивным человеком, чтобы не предполагать дальнейшее усиление этих малоприятных тенденций в случае возрастания экономической и политической мощи ЕС.

С другой стороны, ось мирового развития перемещается из Атлантического океана в Тихий. Это проявляется и в весьма динамичном развитии тихоокеанских штатов США, а

¹³ Вардомский Л.Б. Некоторые особенности экономического развития российско-украинского порубежья / Унаследованные социально-экономические структуры и переход к постиндустриальному обществу. М.: ИГ РАН, 2007. С. 308-324.

¹⁴ Нечто среднее между нашими метро и электричкой.

также канадской Британской Колумбии¹⁵ и Мексики – второй по объему экономики Латинской Америки, и в успехах других (кроме США и Канады) постиндустриальных стран Тихоокеанского региона – Японии¹⁶, Тайваня, Австралии, Новой Зеландии. Однако на первое место должна быть поставлена, конечно же, гигантская «экономическая масса» Китая, в сравнение с которой не идут даже вместе взятые Индонезия, Малайзия, Таиланд, Вьетнам и Филиппины, хотя экономический потенциал каждой из этих стран весьма значителен, особенно с учетом перспектив их развития. Представляется наиболее вероятным, что именно «тихоокеанские инвестиции» могли бы принести России наиболее существенный и надежный доход. Один из виднейших отечественных экономгеографов И.М. Маергойз (1908-1975) выступил с довольно неожиданной для первой половины 70-х гг. идеей использовать исключительно выгодное (уже тогда!) экономико-географическое положение Дальнего Востока для его ускоренного развития с тем, чтобы в дальнейшем сделать его второй базой освоения Сибири, осваиваемой в этом случае как с запада, так и с востока¹⁷.

Между тем фундаментальный дефект геополитического положения России состоит именно в ее крайней слабости на Дальнем Востоке. Шанс его форсированного освоения в 70-е гг. при значительно более благоприятной демографической ситуации был прискорбным образом упущен. Ныне население страны сокращается, и привлечь необходимые для развития этого обширнейшего региона кадры из Европейской России нереально даже при весьма щедром финансировании. При этом сейчас на повестке дня уже не только задача возможно более успешного использования преимуществ экономгеографического положения Дальнего Востока, но и задача простого сохранения этих территорий в составе России. Решению этой последней задачи никоим образом не способствует ни консервация нынешнего положения, ни слабая миграционная политика, предоставляющая достаточно легкий доступ в эти районы практически всем желающим там поселиться, включая, разумеется, и китайцев. В современном мире, увы, невозможно исключить развитие событий по косовскому сценарию, если китайцы станут этническим большинством.

Было бы разумно проводить сильную демографическую политику на Дальнем Востоке, обеспечивающую его динамичное экономическое развитие, но исключаящую возможность формирования такого этнического состава населения, который потенциально может создать угрозу территориальной целостности страны. Славянские народы вполне могут к середине столетия или даже раньше перестать быть этническим большинством в Приморском и Хабаровском краях, некоторых областях Дальнего Востока, однако и белые американцы уже не составляют большинства населения на Гавайях, равно как и англо-канадцы – в Британской Колумбии, но это никак не отражается на американском или канадском суверенитете. На подходе уже и Калифорния, что тоже никого особенно не пугает. Задача должна состоять не в том, чтобы предотвратить превращение русскоязычного населения в меньшинство, а в том, чтобы предотвратить формирование другого этнического большинства и именно на это должна быть направлена демографическая политика. Весьма желательно привлечение вьетнамцев, нет видимых причин воздерживаться и от использования гигантского демографического потенциала Южной Азии – Индии, Пакистана, Бангладеш.

¹⁵ При этом атлантические провинции Канады давно и устойчиво стагнируют.

¹⁶ Рассуждая о необходимости политической демократии для развития экономики, у нас не всегда вспоминают, что в Японии весь послевоенный период, правда, с восьмимесячным перерывом, правит Либерально-демократическая партия, ну а о том, в какой из наших стран СМИ более зависимы, можно спорить. Может, важнее демократии эффективность судебной системы, которая, например, в Китае явно менее коррумпирована, чем у нас, да и полиция, скорее всего, тоже.

¹⁷ *Маергойз И.М.* Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе. – Вестн. Моск. ун-та. Сер. V. География, 1974, №4, с. 3-8.

Однако развитие современной экономики на Дальнем Востоке, пусть и не постиндустриальной по своему характеру, но глубоко интегрированной в мировое хозяйство, причем не только в качестве поставщика сырья и продукции первых переделов, требует привлечения высококвалифицированной рабочей силы. Огромные трудовые ресурсы, вполне подходящие по уровню квалификации, причем по доступной нам цене, находятся у нас, можно сказать, под боком, но мы, выражаясь словами В.С.

Черномырдина, не можем видеть их в упор в силу отсутствия собственного, отличного от западного, взгляда на вещи. Речь идет об Иране, население которого составляет половину российского. Иран – типичная индустриальная страна, для него характерны как высокий образовательный уровень населения, во всяком случае, в крупных городах, так и высокая безработица, в том числе и среди технической интеллигенции. При этом в самом Иране порядка миллиона гастарбайтеров, в т.ч. примерно 800 тыс. из Афганистана, остальные по преимуществу из Пакистана. Только политическая предвзятость мешает воспользоваться этим полезнейшим ресурсом. Иранцы привыкли жить, работать и учиться в несравненно более жестких условиях, нежели россияне, довольствоваться существенно более скромной оплатой труда. Они свободно выезжают за границу и весьма многие покидают родину в поисках лучшей доли. Руководство Исламской Республики явно предпочтет отъезд сограждан в Россию эмиграции, например, в США, где в Лос-Анджелесе группируется иранская оппозиция, а потому будет склонно к сотрудничеству, без которого программа масштабного привлечения квалифицированных кадров едва ли может быть успешной.

Разумеется, Россия, также как и страны Запада, не заинтересована в том, чтобы Иран пополнил клуб ядерных держав, но ведь мы знаем на собственном горьком опыте, что геополитика восторжествовала над идеологией. Наши собственные светлые мечты о безоблачных отношениях с Западом после краха СССР улетучились достаточно быстро, и едва ли кто сейчас вспоминает прекрасные слова В.П. Некрасова (1911-1987) «Родина там, где свобода». Еще в 90-е годы, когда слабость России позволяла ей поддерживать очень хорошие отношения с Западом, ее граждане, вставшие в очередь за визами, узнали почему фунт прав человека. Если идеология стала всего лишь подспорьем в геополитической борьбе за влияние и ресурсы, то не следует ли нам исходить, прежде всего, из наших долгосрочных интересов в Иране? Иранское руководство не слишком популярно в своей собственной стране, которую, безусловно, ждут серьезные перемены, а Россия должна строить свою политику на иранском направлении таким образом, чтобы любые политические изменения имели возможно меньшие последствия для двусторонних отношений. Надо хорошо представлять, что Иран – мощная региональная держава, имеющая серьезные амбиции в сфере своего реального или потенциального влияния. Столкновение интересов едва ли позволит установиться особенно теплым отношениям между Ираном и странами Запада, даже в случае изменения политического режима в Иране. Тем более трудно предположить, что Иран откажется от попыток создания ядерного оружия, не получив ничего существенного взамен, например, международные гарантии безопасности, какой бы не была власть в этой стране. Россия же может существенно усилить свое влияние в Иране, привлекая большое число квалифицированных специалистов для работы в нашей стране, причем не только на Дальнем Востоке. Стремительное ухудшение отношений с Грузией заставляет думать и об иранских портах на Каспии как о единственном вполне надежном канале для снабжения Армении. Отношения между Арменией и Ираном традиционно хорошие, тем более что в Иране очень преуспевает армянская диаспора, к которой относятся с уважением и симпатией.

Другой важный вопрос состоит в том, стоит ли нам слепо копировать на Западе те институты, эффективность которых и там далеко не бесспорна и уж совсем сомнительна при переносе на совершенно неподходящую российскую почву, вроде пресловутого ЕГЭ, или же следует искать свои оригинальные решения универсальных проблем, которые смогут стать нашим вкладом в развитие цивилизации и нашим конкурентным

преимуществом? В уже цитированной статье А.В. Юревича справедливо отмечается, что успехи фундаментальной науки в XX в. создали огромный задел, позволяющий питать прикладные исследования на протяжении длительного времени. Длительного, но отнюдь не бесконечного. Бездумное расточительство задела фундаментального научного знания ничуть не более дальновидно, нежели расточительство природных ресурсов. Человечество неизбежно (и, боюсь, скоро) столкнется с серьезнейшими проблемами, перед которыми будет пасовать прикладная наука, лишенная теорий, необходимых для решения прикладных задач.

Впрочем, можно считать, что просвещенное человечество уже сейчас имеет ту науку, которой достойно. Замечательный экономгеограф Ю.Г. Липец (1931-2006) называл концепцию устойчивого развития гениальным изобретением чиновников, позволяющим подбирать ключи к любым сейфам с деньгами¹⁸. Развитие неустойчиво по своей природе и высокая цена на ресурс исключает возможность его рационального использования, что было убедительно показано Д.И. Люри¹⁹, так же как и Ю.Г. Липец связавшим свою жизнь с Институтом географии РАН. Не менее сдержанно в этом институте (и, кстати, в ряде других научных коллективов) относятся и к расхожему мнению о потеплении климата. Расчет средней температуры по планете, которая за XX в. повысилась то ли на градус, то ли на шесть десятых, требует кропотливой работы, но отнюдь не больших интеллектуальных усилий. Между тем любой студент, сдавший историческую геологию, знает, что в истории Земли были периоды куда более теплые, чем нынешний, когда покровного оледенения не было вовсе. С научной точки зрения не доказаны ни антропогенный характер нынешнего потепления, ни устойчивость тенденции к его продолжению. Анализ палеогеографических данных за последние 20 тыс. лет, проведенный уходящими мамонтами Великой Науки, позволяет предположить, что пик потепления, скорее всего, уже пройден. Может лучше бы придержать коней?

Куда там! «Изменение климата — серьезнейший вызов для всего международного сообщества, включая и бизнес-сообщество – пишут капитаны мирового бизнеса, в том числе и социально ответственный Дерипаска. - Несмотря на то что неясностей до сих пор много, оценка имеющейся информации с точки зрения риск-менеджмента приводит нас к выводу, что лидерам бизнеса и политикам пришло время действовать. Таково общее мнение 100 руководителей крупнейших компаний мира, представляющих все секторы промышленности и все регионы мира, среди которых и авторы этого письма»²⁰. В том мире, где возобладали великий принцип “Perception is reality”, наличие неясностей даже в наиболее важных вопросах не может стать препятствием для самых энергичных действий, тем более, если «группа, представляющая компании, в сумме составляющие 12% рыночной капитализации всех публичных компаний мира»²¹ (там же) решительно настроена заработать на торговле квотами в «посткиотский» период. Действительно, если антропогенная природа потепления климата, или даже сама тенденция к потеплению и окажутся мифом, то деньги все равно вполне реальны. А ведь сколько денег было истрачено и на борьбу с разрушением озонового слоя, и на предотвращение «проблемы 2000»! Все мы помним, как виновато виляло хвостом любезное отечество, которое честили почем зря за недостаточное усердие в подготовке к компьютерному

¹⁸ *Шупер В.А.* Памяти Юлия Григорьевича Липца / Демоскоп Weekly №271-272, январь 2007 г. <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271>

¹⁹ *Анатомия кризисов.* М.: Наука, 1999. – 238 с., Гл. VIII и IX

²⁰ *Баккер П., Белда А., Дерипаска О., Йосефссон Л., Кацумата Ц., Морога Ф. Я., Синюгин В., Сплинтер М., Трухильо С., Воли У.* Бизнес и изменение климата: Помочь «восьмерке» // Ведомости, 07.07.2008. С. А4.

²¹ Последнее утверждение представляется, мягко говоря, слишком смелым в свете того, что из 10 компаний, руководители которых подписали письмо, в списке 500 крупнейших по капитализации публичных компаний мира по версии Financial Times (2007 г.) удалось обнаружить только три: австралийскую Telstra и американские Alcoa и Applied Materials соответственно на 202-м, 310-м и 342-м местах. Разумеется, Гидро ОГК заведомо не могла попасть в этот рейтинг по молодости лет, но она – лишь «осьмушка» РАО ЕЭС, которая в рейтинге на 185-м месте.

апокалипсису. Непреодолимо хочется сказать: «Вы желали науку, финансируемую с помощью грантов, науку, в которой ученым платят не за качество публикаций, а за их количество, как за макулатуру, принимаемую на вес? Пожалуйста, кушать подано!». В чем именитые авторы письма совершенно правы, так это в том, что самый выгодный бизнес – это бизнес на человеческой глупости. Трагично то, что в этот бизнес втягивается и наука.

Увы, гром не грянет – мужик не перекрестится, даже самый цивилизованный мужик. Наши старшие братья по разуму совершенно забыли, что научные задачи решаются только на основе теории и соответственно не следует принимать всерьез обещания отдельного исследователя или целого научно-исследовательского института решить какую-то задачу, если для этого еще не разработана теория, как на то указывал еще Б.С. Грязнов²² (1929-1978). Понятно, что финансирование науки с помощью грантов, не обеспечивающее ни поддержание научного сообщества с его институтом строгой профессиональной критики, ни воспроизводство научных кадров, само по себе никакой критики не выдерживает. Тем более оно не может обеспечивать выполнение наукой ее цивилизационной миссии – поддержания высоких интеллектуальных стандартов и, прежде всего, сохранения и развития институтов рациональной критики.

Более того, можно считать в лучшем случае скудоумием, а в худшем – сознательной подлостью игнорирование огромного морального значения для общества этоса науки. «Мы просто забыли, – пишет Б.И. Пружинин – что знание стало силой у Ф. Бэкона потому, что на нем был отблеск мудрости Творца»²³. Исключительное значение сформулированных в 1942 г. Р.К. Мертоном (1910-2003) этических принципов науки обосновывается в монографии «Этос науки»²⁴. Думается, что Р.К. Мертон верно схватил то самое существенное, что отличает науку от всех других форм творчества – именно этос, а не метод, который, по К. Попперу (1902-1994), един «от амебы до Эйнштейна»²⁵. Это метод проб и ошибок. Этос науки не по плечу современному обществу и это намного важнее, чем забота о кошельках налогоплательщиков. Более того, наука и культура экономически вредны, ибо для эффективного функционирования экономики люди должны стремиться заработать как можно больше и истратить деньги на всякую ерунду, а не читать умные книги и размышлять о подлинной необходимости тех или иных товаров и услуг²⁶. К тому же наука еще и политически разрушительна, ибо культивирует критическое отношение к социальным институтам, из которых многие никакой критики не выдерживают. Становится правомерным вопрос: демократия важнее культуры?

Особенно трудно дать на него положительный ответ в условиях тяжелейшего кризиса рационализма, отразившегося и на демократии, причем самым неблагоприятным образом. Если обратиться к примеру Турции, страны трудной судьбы, но твердо шедшей путем модернизации, то М.К. Ататюрк (1881-1938) при всем желании не мог быть демократом, да, наверно, к этому и не стремился. Более того, его любимое детище – турецкая армия считала себя гарантом последней инстанции стабильности светского государства и брала власть в свои руки (или резко вмешивалась в политическую жизнь, не отстраняя гражданских политиков) в 1963, 1971 и 1980 гг., когда политическое руководство уже не могло удержать страну от сползания в хаос. Военная диктатура всегда продолжалась недолго – стабилизировав ситуацию, армия передавала бразды правления политикам. Ведь Ататюрк учил свою армию защищать страну, а не командовать ей. Сейчас, в условиях сближения с ЕС и настойчивых попыток в него вступить, в Турции как никогда прежде расцвела демократия, что неизбежно привело к усилению влияния исламского

²² Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество. — 2-е изд. — М.: Editorial URSS, 2002. — 256 с.

²³ Пружинин Б.И. Надеюсь, что будет жить // Вопр. философии, 2008, №5. С. 69.

²⁴ Этос науки / РАН. Ин-т философии; Ин-т истории естествознания и техники. Отв. ред. Л.П. Киященко и Е.З. Мирская. — М.: Academia, 2008. — 544 с.

²⁵ Popper K. Unended Quest. An Intellectual Autobiography. 6th ed. Glasgow, 1982. P. 52.

²⁶ Арнольд В.И. Новый обскурантизм и российское просвещение. — М.: ФАЗИС, 2003. 60с.

фундаментализма, занятию радикалами важных государственных постов, в т.ч. мэра Стамбула, и резкому усилению их позиций в парламенте. Верные заветам Ататюрка генералы попытались было подготовить очередной военный переворот, но на этот раз благодаря благотворному европейскому влиянию их попытка провалилась. Похоже, ЕС в любом случае повезет с Турцией – и если он примет ее в свои ряды (в таком случае лет через 10-15 Турция станет крупнейшей европейской страной), и если он не сделает этого и получит исламскую республику уже непосредственно на своих границах. Печальный пример решительного и последовательного реформатора из соседней с Турцией страны, умершего в 1980 г. в египетском изгнании, едва ли хоть сколько-нибудь поучителен для нынешних европейских политиков. Как любил говаривать Л.Н. Гумилев (1912-1992), история еще никогда никого ничему не научила.

Надо хорошо представлять, что наука просто оказалась той канарейкой, с которой раньше спускались в шахту²⁷. Дело, в конце концов, не в науке, а в общем кризисе рационализма, о котором писал еще Э. Геллнер (1925-1995): «Система потребления на сегодняшний день организована таким образом, что никоим образом не поощряет такие качества как дисциплина, внимание, умеренность, трезвое мышление и им подобные, являющиеся непрменными атрибутами уходящей в прошлое рациональности. Напротив, широкой публике постоянно демонстрируются всевозможные технические новинки и разнообразные товары в удобных упаковках — все это подается в максимально привлекательном виде и изготовлено таким образом, чтобы процесс потребления не требовал особых умственных затрат. Современный человек живет в искусственной среде, заполненной изделиями промышленного производства, сложно устроенными, но сконструированными таким образом, чтобы пользование ими было максимально удобно и просто — насколько это позволяет изобретательность конструкторов. Жизнь в таких условиях порождает расслабленность и праздность, а не приверженность строгому порядку и дисциплине. Если человек богат, он вообще склоняется к тому, чтобы весь мир воспринимать как бесконечное продолжение этой удобной, легко управляемой и кажущейся единственно возможной среды. Понятно, что это ведет к распространению поверхностной метафизики, сообразно которой вселенная представляется легко познаваемой и благосклонной к потребительским настроениям. При этом вполне естественно, что общество, пользующееся всеми благами рационального производства, в области культуры будет проявлять склонность к самым крайним формам иррациональности»²⁸. Когда манипуляция представлениями о реальности заменяет манипуляции с самой социальной реальностью, когда главное в жизни – не говорить главное, аккуратно обходить по-настоящему глубокие проблемы, сократическое сомнение становится мощным оружием интеллектуального сопротивления, одним из результатов которого могло бы стать создание отечественной модели организации науки и высшего образования. Впрочем, и то, и другое требует хоть сколько-нибудь пристойного уровня среднего образования. Уровень же этот давно перестал быть таковым в странах Запада, а относительно недавно – уже и у нас. Следует ли нам поздравить себя с тем, что у нас теперь как на Западе, или же сделать смелый и трудный выбор в пользу коренной реформы не только высшего, но и среднего образования?

Противодействие охлократизации общества становится наиважнейшей задачей, если мы в силу каких-то причин, моральных или прагматических, не хотим допустить пришествия нового средневековья, с мобильниками и ноутбуками, до которого уже рукой подать. Если в США 15% населения функционально неграмотно (в Великобритании – 13%), во французской армии 20% солдат не в состоянии получать приказы в письменном виде²⁹, и даже в нашей отсталой варварской стране суды уже рассматривают иски по

²⁷ Канарейка погибает даже при крайне незначительной концентрации метана, и потому служила естественным газовым анализатором.

²⁸ Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. М.: Московская школа политических исследований, 2003. С. 198-199.

²⁹ Арнольд В.И., указ. соч.

поводу ненадлежащего качества оказанных оккультных услуг (как тут обойтись без эксперта по демонологии!), то мы, собственно говоря, уже приехали туда, куда, во всяком случае, многие из нас совсем не хотели. Эта ужасная тенденция в значительной мере также следствие постиндустриальной трансформации, ибо даже в самом продвинутом постиндустриальном обществе 80% населения не в состоянии в достаточной мере «вписаться» в информационные технологии в силу своего образовательного уровня, психического склада, физических возможностей, наконец³⁰. Как в таких условиях большей части населения не превратиться в плебс, требующий хлеба и зрелищ и получающий и то, и другое? Ведь будущее этих людей совершенно не зависит от их воли, более того, они вообще не понимают происходящего, но если жители индустриальных стран еще зарабатывают свой хлеб в поте лица своего и этот труд, безусловно, их облагораживает, то, работающие по 35 часов в неделю или того меньше, едва ли придаются духовным исканиям, серьезному самообразованию, освоению достижений литературы и искусства, тем более что их образовательный уровень совершенно не создает необходимой для этого основы. Едва ли что-то может отуплять людей больше, чем ежедневное многочасовое сидение у телевизора. В таких условиях отсталость нашей страны в области науки, образования и культуры может стать ее огромным преимуществом. К сожалению, именно в этих областях наше отставание преодолевается особенно быстро.

Наши главные конкурентные преимущества в мире должны основываться не на запасах углеводородов, а на поддержании более высокого интеллектуального уровня, нежели у наших основных соперников. В условиях интеллектуальной деградации Запада это становится вполне реальным, но мы не смеем воспользоваться появляющимся шансом в силу отсутствия эмансипированности, смелости идти собственным путем. Типичный пример – реформа высшего образования. Совершенно стихийно в нашей стране сложилась система, наилучшим образом отвечающая потребностям отечественного рынка труда и рынка образовательных услуг – это традиционная подготовка специалистов, как правило, на протяжении пяти лет, в сочетании с «болонским процессом», знаменитыми 4+2 (бакалавриат и магистратура). Возможность выбора создавала огромные преимущества для студентов. Ориентированные на работу за границей или в российских филиалах западных компаний, а также стремящиеся максимально повысить рыночную стоимость своих дипломов без обучения в аспирантуре, выбирали «4+2». Более традиционно настроенные студенты, и их было подавляющее большинство, предполагали продолжить учебу в аспирантуре, либо работать в российских компаниях или на государственной службе и выбирали традиционные «5». Теперь этому бардаку в нашей исключительно упорядоченной стране решительно положен конец – бизнесу предложено сформировать спрос на бакалавров. Насколько они ему нужны в условиях катастрофического падения уровня образования (а чего еще ждать, если в вузы поступает больше народу, чем оканчивает школу, при этом в школе не могут научить даже вычислять проценты) – это уже его проблемы, как, впрочем, и все остальное.

Мы очень много проигрываем от того, что смотрим на мир глазами Запада и бьемся только над теми вопросами, которые он счел достойными обсуждения. Между тем наша эмансипация в мире требует от нас не только глубоких структурных реформ, но и ревизии нашего мировоззрения. Не пора ли нам разочароваться в наших учителях? Разве не удивительно, что Запад, провалившись за последние полтора десятилетия везде, где только имел возможность – в Косово, Боснии и Герцеговине, Сомали, Ираке и даже в Афганистане, не испытывает никаких комплексов в этой связи и продолжает всех поучать со спокойной самоуверенностью огромного жизнерадостного пса? Разве во внутренней политике там не делаются такие же чудовищные глупости, как и во внешней? Следует ли нам учиться выдавать ипотечные кредиты в размере 105% от стоимости закладываемого

³⁰ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с.

жилья, причем не требуя гарантий платежеспособности заемщика? Конечно, когда в экономике огромный избыток денег, надувание пузыря на интернет-рынке, фондовом, сырьевом или каком-то другом, после того как упадут цены на нефть, скорее всего, неизбежно. Однако в кризисной ситуации – и это самое важное – применяются как раз те меры, недопустимость которых наши учителя снисходительно разъясняли нам в 90-е годы. Это и использование печатного станка для накачки экономики фактически бесплатными деньгами, когда ставка рефинансирования ФРС много ниже инфляции, и создание совершенно непрозрачных финансовых институтов, и спасение частных банков за счет налогоплательщиков, будь то Bear Sterns в США или Northern Rock в Великобритании. Не надо было быть нобелевским лауреатом по экономике, чтобы предвидеть, что если в США четверть кукурузы пойдет на производство этанола, а ЕС тоже постарается не отстать в деле обеспечения энергетической независимости, то мировые цены на продовольствие взмоют ввысь. Разве наша верность историческому выбору Петра, от которого нельзя отказаться, оставаясь в здравом уме, должна нам мешать называть глупость глупостью, а лицемерие - лицемерием?

Первая чеченская война была крайне непопулярна внутри страны, как и подобает колониальной войне, но Запад этого не видел в упор, поскольку опасался ослабления позиций Ельцина и коммунистического реванша. Западные СМИ все спускали на тормозах. Бомбардировки Сербии опять же были непопулярны именно у нас – при всей мерзости режима Милошевича угрозы безопасности для стран Запада он все же не представлял, а идеализировать какую-то одну из сторон косовского конфликта явно не было оснований. Однако глупости цивилизованных людей ничем не лучше, чем глупости варваров, поскольку глупость – она и есть глупость. Хватило же ума у наших старших братьев по разуму, благополучно переживших первую чеченскую войну, типично колониальную, отбомбившись по Сербии, поднять в СМИ невиданную по масштабам антироссийскую кампанию в ходе второй чеченской войны, чисто оборонительной по своему характеру и имевшей целью воспрепятствовать созданию «халифата от Черного моря до Каспийского»!

Впрочем, даже эта отвратительная кампания, поставившая ведущие газеты западных стран на одну доску с брежневской «Правдой», не смогла сколько-нибудь глубоко изменить вектор российской внешней политики. Это сразу же стало ясно после событий 11 сентября 2001 г., и тут самый раз предоставить слово лорду Скидельскому: «В 2002 г. Владимир Путин в приватной беседе с высокопоставленным западным чиновником дал понять, что Россия могла бы вступить в НАТО. Российскому президенту ответили так: “Страны не приглашаются к вступлению в НАТО, они сами должны подать заявку”. “Россия не готова стоять в очереди”, — сказал Путин. Возможно, впоследствии историк именно этот эпизод назовет той точкой, когда Запад окончательно “потерял” Россию. Исторический шанс вовлечь эту страну в тесное сотрудничество с Западом был упущен. Президент Путин, на беду или на радость, избрал другой путь. Было ли это неизбежно? Вспомним 11 сентября 2001 г. Вопреки инстинктам российских военных Путин выразил поддержку США, предоставил Америке доступ в Центральную Азию, закрыл военные базы во Вьетнаме и на Кубе и способствовал тому, чтобы цены на нефть держались ниже, чем того хотели в ОПЕК. “Партнерство” — вот как называлась игра, в которую он играл. Но доход на капитал, инвестированный им в проект “партнерство”, получился мизерный. России не позволили быстро вступить в ВТО, не пошли на уступки в вопросах противоракетной обороны, не дали сыграть более значимую роль в НАТО или на Ближнем Востоке и даже на должном уровне сотрудничать с ЕС. Более того, серия вдохновленных США (или как минимум профинансированных с участием американских организаций) “цветных революций” в Сербии, Грузии и на Украине только усугубила

российское чувство изолированности. Партнерство прекратилось. Отношения России с Западом стали чисто функциональными»³¹.

Между тем даже выстраивание чисто функциональных отношений зачастую сопряжено с огромными трудностями, достаточно вспомнить другую оголтелую компанию, поднятую в британской прессе, когда Газпром пожелал участвовать в приватизации газораспределительных сетей Centrica. Что тут началось! Газпром стали обвинять в стремлении удушить Англию газовой блокадой, солидные газеты и даже парламентарии стали требовать пересмотра законодательства, что для старой доброй Англии совершенно не типично. Понятно, что Газпром счел за лучшее отказаться самому, а ведь при малейшем проблеске разума, очевидно, что для удушения Англии ни в коем случае не следует приобретать в этой стране газораспределительные сети и увеличивать таким образом свои собственные убытки. Реальный интерес Запада состоит как раз в том, чтобы возможно крепче привязать Газпром и Россию в целом к своей экономике, дабы любые перебои в поставках газа били по самому поставщику как можно сильнее.

Закат разума можно было более чем отчетливо наблюдать и на политическом уровне, когда высшее государственное руководство Великобритании разыграло недостойный спектакль с требованиями изменить российскую конституцию и высылкой дипломатов. А чего еще можно ждать, если политику вершат не профессиональные политики и дипломаты, а телевидение и бульварная пресса, сначала морочащие головы широчайшим народным массам, а потом идущие у них же на поводу? По-видимому, был прав Х. Ортега-и-Гассет (1883-1955), для которого собственно демократия, а не охлократия, предполагала широкое распространение в народных массах такой забытой добродетели как скромность, готовности следовать за одной из элит, а не тащить их за собой. «Тирания интеллектуальной пошлости в общественной жизни, быть может, самобытнейшая черта современности, наименее сопоставимая с прошлым... у среднего человека самые неукоснительные представления обо всем, что творится и должно твориться во Вселенной. Поэтому он разучился слушать. Зачем, если все ответы он находит в самом себе?»³².

При этом весьма характерна позиция наших СМИ, заведомо решивших проиграть эту информационную войну, дабы не разжигать антибританские чувства. Широкому российскому читателю или телезрителю так и осталось практически неизвестным, что страны, внесшие те изменения в свои конституции, на которых настаивает британский министр иностранных дел, приняли обязательства это сделать, подписав договор о международном ордере на арест, к которому Россия не присоединилась, что Великобритания за последние десять лет не выдала России ни одного российского гражданина и уже одно это не позволяет британской стороне рассчитывать на выдачу даже подданного Ее Величества, не говоря уже о гражданине РФ, что в 60-70-е гг. ФРГ многократно отказывала СССР в экстрадиции нацистских преступников, обвинявшихся не в убийстве беглого майора, а в преступлениях против человечности, совершенных на территории СССР, ссылаясь на аналогичное положение своей конституции. Широко используя подобные ситуации в пропагандистских целях, кремлевские вожди, тем не менее, и не думали высылать западногерманских дипломатов или, тем более, требовать изменения Конституции ФРГ, для чего тогда были все же более серьезные основания, чем для изменения Конституции РФ сегодня. Не смей спорить со старшими! – вот принцип работы наших СМИ.

Впрочем, и когда госсекретарь Колин Пауэлл продемонстрировал в Совбезе пробирку с якобы захваченным в Ираке образцом бактериологического оружия или чего-то подобного, кажется, никому не пришло в голову, что, если содержимое пробирки действительно соответствует заявленному, надо потребовать от г-на госсекретаря, чтобы

³¹ Скидельский Р. Точка невозврата // «Ведомости», 22.02.2007. С. А 4.

³² Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп./ Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. – М.: Издательство «Весь мир», 1997. С. 81.

он немедленно убирался из здания ООН вместе со своей пробиркой и не подвергал опасности жизни ни в чем не повинных людей. Тем более никому не пришло в голову во всеуслышанье заявить, что если смертоносная субстанция действительно была обнаружена в Ираке, то она должна быть передана для исследований в различные лаборатории различных стран, а не продемонстрирована мировому сообществу в пробирке, совсем в духе Сент-Экзюпери, нарисовавшего Маленькому Принцу коробку и объяснившего, что в ней как раз такой барашек, какого он хочет. Как видим, интеллектуальные стандарты в еще большей степени служат тем, кто их устанавливает, чем любые другие.

Мобилизационное мышление имеет «плохую прессу», считается неизбежным атрибутом национализма. Но не так давно В.Л. Иноземцев опубликовал в соавторстве статью, в которой утверждается, что «... конкурентоспособность государств (как и конкурентоспособность корпораций) определяется не тем, насколько лучше становится жизнь в той или иной стране (или насколько улучшилась продукция компании). Она задается тем, улучшились или ухудшились их позиции по отношению к остальным»³³. Чем это не мобилизационный проект? Где здесь гуманнейшая забота о народе? Разногласия между либералами и их оппонентами сводятся теперь с очевидностью только к выбору мобилизационного проекта. При этом, по мнению цитированных выше авторов, «в сложившихся условиях необходимо формировать позитивную альтернативную программу, направленную на доведение до конца начатых в конце 80-х и в первой половине 90-х гг. реформ – но не на принципах «бесконечного реформирования», которое вошло в обиход в последние 10 лет, а путем смелого копирования организационных принципов, структур, институтов и законов, проверенных в странах, успешно осуществивших переход к современной экономической и политической системе (там же)». Смелое копирование! Вот максимум того, на что способны наши блистательные реформаторы. В свое время Борис Биргер сказал: «В Академии художеств сидят самые лучшие из посредственных художников».

Если подлинно догоняющее развитие может быть только развитием обгоняющим, то оно требует интеллектуального прорыва. В начале XIX в. в отсталой Пруссии, потерпевшей поражение в войне с наполеоновской Францией, по инициативе В. фон Гумбольдта (1767-1835) были предприняты реформы исключительной дальновидности и смелости, которые позволили Пруссии, а затем – Германии стать несравненно более влиятельной в Европе и в мире во второй половине XIX в. Это создание системы гимназического образования, основание Берлинского университета как первого университета нового типа, а также последовавшее за этим создание структур, обеспечивающих тесное взаимодействие науки и хозяйственной практики. Замечательный философ и историк науки М. К. Петров (1923-1987) писал об этом: «О замыкании исследования на академическую структуру [высшую школу – *В.Ш.*] можно говорить только с 1810 г., после реформ Гумбольдта и создания Берлинского университета, где впервые была реализована «профессорская» или «приват-доцентская» модель оперативной связи переднего края дисциплинарных исследований с подготовкой научных кадров. ... Еще сто лет тому назад [в 1870 г. – *В.Ш.*] такого замыкания в Англии не произошло. Не лучше обстоит дело и с замыканием исследования на приложение. Оно впервые было реализовано в 1826 г., когда Либих основал в Гисене лабораторию, которая стала моделью организационного объединения исследования, приложения и подготовки кадров»³⁴. Едва ли имевшая 2,5 тыс. дипломированных химиков Франция могла в 1870 г. сколько-нибудь успешно воевать против имевшей их 30 тыс. Пруссии.

Именно этим путем пошла Финляндия, успехи которой были отмечены в 2005 г. первым местом в докладе *Global Competitiveness Report*, подготовленном для Всемирного

³³ Красильщиков В., Кричевский Н., Иноземцев В. Закончить перестройку // Ведомости, 7 мая 2008 г. С.А4.

³⁴ Петров М.К. Как создавали науку? // Природа, 1977, №9. С. 83.

экономического форума³⁵. «В Финляндии, например, на нужды образования тратится около 8 процентов валового национального продукта (к слову сказать, почти в два раза больше, чем в классической «стране учености» - Германии). Руководство Финляндии уверено в том, что именно система образования является фундаментом, который обеспечивает экономическое процветание страны»³⁶. В Финляндии, по словам А. Волкова, конкурс в педвузы составлял в 2007 г. 10 человек на место. Профессия школьного учителя очень престижна – ему обеспечена не только достойная зарплата, но и свобода творчества в широких рамках. Дипломированных математиков и физиков на 10 000 жителей в Финляндии вдвое больше, чем в Германии, где наиболее популярны профессии юриста и психолога. «Финские школьники, участвуя в Пизанском конкурсе, доказали, что лучшая система образования создана в этой северной стране – буквально на задворках Европы. Как следствие, в последние два десятилетия в стране произошло «технологическое чудо». Экспорт высоких технологий стал фирменным знаком Финляндии»³⁷. У нас же «на апрельском президиуме Госсовета по инновациям... выяснилось, что всего лишь 1 (один) процент (!) всех студентов вузов России учится на естественнонаучных специальностях – ничего себе кадровая база для будущей инновационной деятельности!»³⁸

Исключительно разносторонний талант уже дважды упоминавшегося в этой статье Б.Н. Зимина проявился и в разработке им теории малых высокоразвитых стран³⁹, объясняющей повышенную экономическую и социальную эффективность этих стран наличием пирамиды прямого восприятия, меньшим расходом человеческого материала в фиктивных сферах (армия, бюрократический аппарат, политика) и более жесткими условиями международной конкуренции, в которых необходим более высокий уровень социальной инфраструктуры, понимаемой, прежде всего, как образ трудового мышления. Соответственно механическое перенесение передового финского опыта на российскую почву едва ли возможно, но и у больших стран есть свои преимущества, которые необходимо исследовать и использовать⁴⁰.

Прогнозируя будущее, можно выдвинуть предположение, что нынешний кризис рационализма носит временный характер и вызван, по всей видимости, далеко не первым в истории случаем отставания социальной теории от бурных изменений социальной реальности. Когда говорят об огромном заделе фундаментального научного знания, имеют ввиду, конечно же, не общественные науки. Если многие существенные явления, характерные именно для информационного общества, не удается осмыслить с позиций классической рациональности, сформировавшейся в обществе индустриальном, то не следует делать пессимистический вывод, что их вообще никогда не удастся рационально объяснить. «Всякий раз, когда цивилизация изобретает очередную систему символов для управления событиями материального мира, людей охватывает подозрительность – пишет Эрнандо де Сото. – Когда Марко Поло вернулся из путешествия в Китай, он поразил европейцев известием, что китайцы используют не металлические, а бумажные деньги, что было сразу же объявлено злокозненной алхимией. Европейский мир противился символическим деньгам вплоть до XIX в. Новейшие формы денег – электронные деньги и вездесущие кредитные карточки – тоже были приняты публикой не сразу. Людей охватывает недоверие всякий раз, когда форма существования эквивалентов ценности делается менее материальной и более виртуальной. Новые формы производных ценных бумаг, например, облигации, обеспеченные пулом вкладных, расширяют возможности для образования капитала, но зато экономическая жизнь делается еще менее понятной...

³⁵ Волков А. Девиз «Поколения Doof»: знание-мыло? // Знание-сила, 2008, №8. С. 4-14.

³⁶ Там же, С. 12.

³⁷ Там же, С. 11.

³⁸ Леонович А. ЕГЭдем или ЕГЭгейт? // Знание-сила, 2008, №8. С. 101.

³⁹ Размещение производства в рыночной среде...

⁴⁰ Трейвиш А.И. К вопросу о теории больших стран / Пятое сократические чтения. Рефлексивность социальных процессов и адекватность научных методов. (Сб. докладов/ Под ред. В.А. Шупера). М.: Эслан, 2004. С. 88-111.

Многие интеллектуалы воспринимали документы на право собственности, подобно всем другим абстрактным символам (от алфавита до денег и языков программирования), как инструмент обмана и угнетения. Неприязненное отношение к системам абстрактных символических обозначений играло подспудную роль в формировании политических идей... Я не хуже любого антикапиталиста знаю о том, как системы символических обозначений... использовались для эксплуатации и порабощения... Но нельзя не признать: искусства и науки, применяющие системы символов, становятся важнейшей опорой современного общества. Можно сколько угодно бранить и ниспровергать письменность, электронные деньги, компьютеры и документы на право собственности, но они никуда не исчезнут. Намного полезнее работать над тем, чтобы системы символов стали проще, а правила работы с ними понятнее и чтобы люди учились более эффективно оперировать в виртуальной среде абстрактного знания»⁴¹.

Принеся извинения читателям за непомерно длинную цитату, мы хотим подчеркнуть огромный оптимистический потенциал приведенной точки зрения. Отметим, что и неклассическая физика дала нам прекрасные образцы мышления, показывающие, что даже отказ от привилегированной системы отсчета, от возможности одновременного измерения различных параметров изучаемого объекта, не приводит к отказу от объективного научного знания как такового. Если мир познаваем, то можно не сомневаться, что общество со временем опять призовет науку к ее высокому служению, во всяком случае, когда к этому вынудит невозможность успешного решения прикладных задач.

Не исключено, что России действительно придется искать свой путь, причем именно тогда, когда она совершенно к этому не стремится, если, разумеется, ставится задача занять хоть сколько-нибудь достойное место в мире. Речь при этом идет, разумеется, не о каком-то особом «русском пути», а о принципиально ином осмыслении места России в мире и опыта передовых стран. Принятые в них решения не должны быть для нас императивом («так во всем [т.е. цивилизованном – *В.Ш.*] мире, поэтому так должно быть и у нас») именно в силу принципиальной многовариантности возможного будущего. Стремление наших славных реформаторов сделать Россию «скучной страной» может привести только к тому, что мы будем иметь все недостатки цивилизованных стран, но, к сожалению, без их достоинств. И опять же утверждения, что другого пути просто нет (во всех случаях, включая ЕГЭ) основаны на слишком смелых допущениях. Путешествуя как по просвещенной Европе, так и по Ближнему и Среднему Востоку, автор с изумлением обнаружил, что и в странах, принадлежащих ко второму из этих географических и цивилизационных регионов, решение различных вопросов повседневной жизни может быть значительно менее болезненным, чем в любезном отечестве. Это связано с тем, что мы умудрились взять все самое худшее и на Западе, и на Востоке – на Западе тупой и бездушный формализм, на Востоке – разгильдяйство и коррупцию. При этом российский путешественник с удивлением замечает, что на Востоке при решении повседневных вопросов, из которых и сплетается ткань жизни, здравого смысла и элементарной доброжелательности, уж во всяком случае, значительно больше, чем в родной стране. Именно следуя единственно-правильным путем, мы превратили рядового работника в бездушный автомат, выполняющий заданную программу, лишив его при этом человечности и здравого смысла, только этот автомат работает у нас очень плохо.

По-видимому, и цивилизация, и варварство имеют свои конкурентные преимущества. Если советская экономическая модель отличалась вопиющей неэффективностью, то этого никак нельзя сказать о советской модели организации науки и образования, как высшего, так и среднего. Нельзя не отметить с чувством глубокой удовлетворенности, что сейчас и наши либеральные реформаторы готовы вести страну особым путем, если к этому их вынуждают обстоятельства. «В России сегодня 510 студентов вузов плюс 120 студентов

⁴¹ Эрнандо де Сото, указ, соч., С. 224-226.

техникумов, уже имеющих среднее образование, на 10 000 человек населения – пишет ректор ГУ-ВШЭ Я. Кузьминов – Итого 630 по сравнению с 270 в СССР. Это мировой рекорд. В США – 520, включая двухгодичные колледжи – аналоги наших техникумов»⁴². Не бежать ли нам за шампанским, чтобы отметить столь выдающиеся успехи? Я. Кузьминов не советует этого делать: «Высшее и частично среднее специальное образование у нас выполняет роль завершения массовой социализации граждан (там же)». Отчего же так получилось? «Мы, по существу, пропустили этап развития общего образования, - объясняет Я. Кузьминов – который конкуренты России прошли в 70-90-е гг. прошлого века: удлинение общего образования до 12-13 лет, профилизация средней школы, гуманизация как школьной программы, ... так и требований к учащемуся, учет его персональных предпочтений и слабостей (там же)».

Выше уже приводились данные об уровне знаний в наиболее передовых странах, таких нелицеприятных свидетельств можно было бы привести много больше. Возникает резонный вопрос: что есть мерило успехов системы среднего образования, если не уровень знаний, который катастрофически снижается? Уже упомянутая социализация? Допустим, но ведь подобная социализация в массовом порядке поставляет людей невежественных, самоуверенных и безответственных, которые потом и формируют то общество, в котором мы живем. Именно им принадлежат глубокие мысли о том, как надо развивать науку, о которой они не получили никаких серьезных представлений. Именно они придерживаются мнения, что человек создан Богом, а не произошел от обезьяноподобного предка. Может все-таки учить вычислять проценты, определять расстояние по карте или географические координаты надо в средней, а не в высшей школе, по отношению к которой определение «высшая» становится в таком случае просто издевательским? Может тех, кого ничему не научили за 10 лет, не научат и за 12-13? Может быть надо признать, что всеобщее среднее образование должно быть не только правом, но и обязанностью? Если для социализации необходимо держать человека в школе до определенного возраста, то это не значит, что его следует учить тому, чему он не хочет и/или не может учиться. Разумеется, родители в большинстве случаев совершенно не желают знать правду о подлинном образовательном уровне своих детей, а в особенности не хотят их перевода в классы или школы для слабых, но это – вопрос не политического или идеологического, а цивилизационного выбора, если мы не хотим, чтобы культура стала жертвой демократии или, точнее, охлократии. Существовавшая в нашей стране система, при которой слабо успевавших или просто не успевавших учеников после седьмого класса переводили в ремесленное училище (позднее – после восьмого в ПТУ) была весьма полезной для поддержания высокого образовательного уровня, но непопулярной среди рабочих и крестьян, составлявших социальную базу тоталитарного режима.

Разумеется, вопрос о том, что ребенок (подросток, молодой человек) в школьные годы должен напряженно работать, а не просто приятно проводить время, едва ли может быть решен положительно в обществе потребления, где человек прилагает серьезные усилия, только имея перспективу непосредственного материального вознаграждения. Эта проблема уже перешла из средней школы в высшую, что создает угрозу самому существованию породившего ее общества. «В России в 2020 г. – пишет в завершении своей статьи Я. Кузьминов – степень бакалавра смогут получить 70-75% выпускников средней школы. Это позволит нам сохранить имеющееся преимущество в качестве человеческого капитала над основными конкурентами – странами BRIC. Что касается наиболее развитых государств, то мы будем находиться в той же группе, что США и Германия. Разница здесь будет определяться уже не количеством проведенных в учебных заведениях лет, а составом и качеством полученных компетенций (там же)». С последним утверждением невозможно не согласиться. Только вот незадача: когда среднее

⁴² Кузьминов Я. Высшая школа: Место для каждого // Ведомости, 23.07.2008. С. А4.

образование стало всеобщим, специалисты получали высшее образование, которое все же всеобщим не было. Какое образование должны получать специалисты в условиях, когда всеобщим стало и высшее? Что при такой подготовке будут знать те же врачи, ведь светил все равно на всех не хватит? Увы, мы не смеем даже поставить подобные вопросы.

Уже отмечалось, что наше отставание в области образования, науки и культуры могло бы стать нашим важнейшим конкурентным преимуществом. Если варвары посредственны и/или трусливы, то для них действительно нет другого пути, кроме как путь заимствования. Но если они ставят перед собой честолюбивые цели, они обязаны быть яркими, смелыми, решительными, способными сделать то, что не под силу цивилизованным людям, связанным по рукам и ногам всевозможными узаконениями и общественным мнением. Варвары, в принципе, могут заставить детей в школах учиться, хотя это будет страшно трудно, причем во многих отношениях. Временное отсутствие демократии создает более благоприятные условия для проведения абсолютно необходимых и очень болезненных реформ и в области образования, и в других областях, например, в сфере пенсионного обеспечения. Проблема в том, что варвары посредственны и трусливы и исторический шанс бездарно ими упущен.

Представляется, что именно *просвещенный патриотизм*, основанный не просто на отстаивании интересов страны, а на заботе о сохранении и приумножении ее конкурентных преимуществ в мире, равно как и об устранении недостатков, препятствующих ее развитию, мог бы стать той нитью Ариадны, которая в состоянии вести нас в лучшее будущее. Чем успешней мы сможем противостоять охлократизации общества, «восстанию масс», тем более достойное место в мире нам удастся занять. Ведь мы не станем ни швейцарцами, ни американцами, ни китайцами, даже если очень этого захотим. Нам надо найти, изобрести, построить свою модель – оригинальную и эффективную. Скорее всего, в ней будет признаваться и использоваться огромная цивилизационная роль фундаментальной науки и образования.